

до вошло стихотворений на деревенские темы («Вечер», «На покое», «Песня девушки»), но мужицкий быт часто подводно выпирает из стихотворной строки Жарова. Он составляет поэта «видеть в небе праздник красной горки», слышать, как «блеют колокола» и «молотит сердце», верить, что «мы будем первыми, кто поставит трактор на межи». Благодаря деревне, летним работам, поэт сроднился с природой—он пришел в этот «переломленный на-двое мир» солнцезрымым парнем, «старым и добрым приятелем солнца». Он влюблен в апрель, «зеленоголовый» лес, и на митинге, поэтом созванном,—«первый вопрос о весне».

В своих деревенских и солнечных темах Жаров всегда поэт Октябрьской революции, пролетарский поэт. Мотив ломки старого бытового Домостроя и стройки нового быта («Азиаты»—шаг к поэме), комсомольская цепкая хватка за жизнь; «крепко на плечи жизни усесться»—вот вторая характерная черта его поэзии. Красноармейцем, краснофлотцем победоносно прошел он годы гражданской войны и теперь, изглоданный тифом, у которого «Юденич пулей застрял в лопатке», может захлебнуться радостью, посылая звездам приглашение на прогулку (стих. «Вечер»).

Жаров много работает над стихом. Точные и свежие эпитеты (загорелая Южная Америка, очумелые ветры), хорошие рифмы, оригинальные и интересные образы: «завод в певучем содроганьи разнокалиберною бранью пересыпает горизонт», или «свежестью расписанного ситца запылал обрадованный день»...

Убедительно-агитационно, призывно звучат его стихи, посвященные дням и вождям революции—«Либкнехт», «В рейсе», «Париж» и др. К сожалению, этого же нельзя сказать об отрывке из поэмы «Ленинград». Так же, как и вторая поэма «Азиаты», этот отрывок слишком фрагментарен, не доделан и не остр.

Издан Госиздатом «Ледоход» великолепно—красивая обложка, хорошая бумага. В книге есть опечатка (на стр. 24-й вместо «Молодые Гастевы радостно на стройку потеку»—надо читать «потекут»).

В. Красильников.

Курд Ласвиц.—«На двух планетах», фантастич. роман. Сокращ. и обраб. перев. с немецк. С. Парнок и Б. Горнунга, ГИЗ. 1925 ЛНГ.—М. Стр. 382. Тир. 5.200 экз. Ц. 1 р. 25 к.

На двух планетах—это, конечно, на Земле и на Марсе.

Марс для романистов стал таким привычным и насиженным местом, что путешествия на него, хотя и довольно далекие, они предпочитают всяким другим, в том числе и менее опасным, как, напр., на нашу соседку Луну, на которой они чувствуют себя не совсем уверенно.

При таком положении вещей Марс может потерять интерес для людей прежде, чем они успеют по-настоящему побывать на нем.

Курд Ласвиц, в свою очередь, совершил очередное путешествие на эту планету, путешествие не особенно удачное, которое едва ли может вызвать интерес как людей, так и марсиан, если последние действительно существуют и когда-нибудь прочтут эту книгу, чего мы искренне им не советуем.

Заглавие не совсем оправдывает роман: его следовало бы назвать не «На двух планетах», а «В Германии и на Марсе», ибо автор—добрый немец старого закала и выше всего ставит свой Vaterland, который и заслоняет собой не только все пять частей земли, но и весь Марс, включая оба его полюса.

Ласвиц даже ухитрился населить его аккуратными и деловитыми чиновниками и первое знакомство с марсианами начинается именно стого, что «...чиновник (марсианский) ...стоял на наблюдательном посту...» (стр. 30).

Автор довольно подробно говорит о чиновно-бюрократическом протекторате Марса над Землей, в ущерб другим главнейшим задачам фантастических романов.

Так, у него весьма сильно хромает научная часть: говоря о марсианской технике, машинах и оружии, в большинстве случаев он ссылается на так называемые «особые приспособления», прикрывающие отсутствие знания, изобретательности и воображения, что для фантастиче-

ского романа совершенно убийственно.

Философия, придуманная им для обитателей этой планеты, философия бескостная, в тумане которой путается сам Ласвиц.

Отдельные приемы письма наивны: так, знакомя читателя с жилищем марсиан, в первой же строке он говорит о комнате «отделанной в марсианском вкусе» (стр. 35).

Но что же это за «вкус», если о нем читателю решительно ничего еще неизвестно?

Неудачно и то, что марсиане сначала описываются от имени автора. Людям, столкнувшимся с ними, ничего не остается прибавить к этому. Любопытного преломления культуры Марса, впервые воспринимаемой людьми, не дано. Все рассказано просто и грубо самим Ласвицем, от своего имени.

Неплохо задуманы первые главы, повествующие о том, как три немца, первые из людей, достигшие северного полюса Земли, наткнулись там на Марсианскую колонию.

Есть и другие интересные места, но все это лучше задумано, чем выполнено. Любовная интрига, вплетающаяся в роман, взята слабо и герои не имеют цельного облика.

Любовь между немцем Зальтнером и марсианкой Ла,—пожалуй, прообраз «Аэлиты», ибо «На двух планетах» — роман древнейшего происхождения, судя по тому, что изображенные в нем люди передвигались по воздуху допотопным способом—на воздушном шаре—и ничего не знали о радио.

После «Борьбы миров» Уэллса эту книгу читать трудно, наши читатели знают о Марсе и больше и лучше Ласвица.

Как и следовало ожидать, роман кончается к общему благополучию: все, кому надо, женятся, и марсиане вступают в дружественные сношения с людьми.

Автору не доставало упомянуть только о том, что добрые немцы угощают марсиан пивом.

Борис Анibal.

Франк Норрис.—«Спрут», роман. Изд. «Мысль». Ленинград 1925 г. 352 стр.

Рецензируемый роман написан много лет назад известным американским писателем Франком Норрисом, принадлежащим к тому самому буржуазному обществу, представители которого являются главными действующими лицами «Спрута». И тем не менее книга свидетельствует о том, что близкая автору среда болеет тяжелым недугом разложения; в ее сердцевине происходят смертельные процессы борьбы и взаимного уничтожения. Борющиеся силы—фермеры, с одной стороны, и владельцы железных дорог (они же владельцы земли, арендуемой фермерами), с другой стороны. Путем повышения арендной платы и удорожания железнодорожного тарифа вторая группа стремится перевести в свои карманы барыши «землеробов». На этой почве происходит ожесточенная схватка. В оборот пускаются всевозможные средства, шпионаж, взятки, убийства, лишь бы победить противника. Характерно при этом, что алчная борьба расслаивает не только интересы буржуазии, как класса, но враждующие меж собою единицы, но и буржуазная семья под влиянием этих раздоров распадается на два непримиримых лагеря. Деррик-отец возглавляет фермеров, Деррик-сын отстаивает интересы железных дорог. В происходящем поединке автор на стороне фермеров и вот что он говорит о своих врагах, олицетворяющих хищную, денежную мощь Америки, устами поэта Презелея:

«Они владеют нами, наши опекуны, они владеют нашими домами; в их руках наше законодательство. От них нет спасения, им нет возмездия. Нам говорят, что мы можем бороться с ними избирательной урной—они завладели урной. Мы знаем, кто они—разбойники. Разбойники в политике, разбойники в финансах, разбойники в законодательстве, разбойники в торговле, лиходеатели, плуты и мошенники. Нет того мелкого воровства, которое устыдило бы их; они грабят государственную казну на миллионы